

- ⁵⁵ По бездонному морю мчатся в Дублин,
Снова в землю иров^a со срамом великим.
Так воины-братья вместе воротились,
Кюшаг и эделинг^b, в край родной
Весело с битвы, в веси вест-саксов.
- ⁶⁰ На трупах оставили темносермяжных
Воронов мрачных мясо делить
Крепкими клювами, и в корзинах смурых
Орлов на поле, падких на падаль,
И соколов хищных, и серого зверя,
- ⁶⁵ Волка в чаще. В век не валилось
На острове этом под острою сталью
Больше бойцов в буйной битве
(Как молвили нам мудрые мужи,
Что помнят древность), с тех пор как приплыли
- ⁷⁰ Англы и саксы смело с востока
По вольным волнам в волости бриттов
И, войн ковачи^c, веалов^d осилили,
Достославные ратники родину добыли.

ЛЕНГЛЕНД

Вильям Ленгленд (около 1332 г.—около 1377 г.), автор аллегорической поэмы «Видение о Петре-Пахаре» («Vision of Piers the Plowman», первая редакция — около 1362 г., вторая — около 1377 г.), был выходцем из крестьянской семьи. Получив образование в монастырской школе, он, однако, не стал клириком, но, перебравшись в Лондон, разделил тяжелую долю столичных бедняков. Он никогда не заискивал перед богатыми и знатными. По его словам, он был «слишком длинен, чтобы низко нагибаться»

В то время Англия вступала в полосу социальных потрясений. Быстрое развитие торварно-денежных отношений порождало усиленную эксплуатацию крестьянства и город-

^a Земля иров — Ирландия.

^b Эделинг — высокородный, муж знатного рода.

^c Войн ковачи — витязи.

^d Веалы — Weales, Wales — общее название кельтских, а иногда и вообще иноземных племен.

ского плебейства. В стране царило всеобщее брожение. Все более грозный характер принимало народное антифеодальное движение, приведшее к восстанию 1381 г.

Ленгленд явился одним из выразителей этого народного протesta против несправедливых социальных порядков. Его «Видение о Петре-Пахаре» представляет собой широкую картину общественной жизни Англии второй половины XIV в. Поэт глубоко сочувствует угнетенным массам и негодует на высокомерие и пороки сильных мира сего. Переякаясь с лоллардами (последователями английского реформатора Джона Виклифа), он горячо протестует против алчности, тунеядства и эгоизма католического клира во главе с самим римским папой. В лице Петра-Пахаря, знающего путь в царство Правды, он прославляет трудовой люд, который, по мнению Ленгленда, составляет естественную здоровую основу всякого общества. И хотя Ленгленд не призывал к коренной ломке существующих социальных отношений, перенося вопрос о социальной справедливости в плоскость нравственных идеалов, его поэма в немалой мере содействовала революционизированию народного сознания. Недаром идеологи и вожди народного восстания широко использовали «Видение о Петре-Пахаре» в своей пропаганде.

Как поэт, Ленгленд еще довольно тесно связан с традициями средневековой литературы. Типично средневековой является, например, форма видения, сна, в которую облечена поэма. Однако образы видения взяты не из загробного мира, как это обычно было в памятниках культовой литературы (ср. «Видение Тнулага», раздел «Латинская литература»), и не из галантного мира куртуазного любовного романа (ср. «Роман о Розе», раздел «Французская литература»), но из повседневной английской жизни XIV в., и это придает аллегорической поэме Ленгленда реалистический характер, тем более что многие аллегорические образы воплощены в такую типично житейскую форму, что читатель подчас забывает об их иносказательной природе. В этом отношении особенно примечательна колоритная галерея пороков, например изображение Чревоугодия, выведенного в образе пьяницы-ремесленника, который шел в церковь, а попал в кабак (см. приводимый отрывок).

Поэма Ленгленда имела большой успех у демократического читателя. Она вызывала ряд подражаний. Имя Петра-Пахаря стало нарицательным. Накануне английской буржуазной революции XVII в. о Ленгленде как о мастере антифеодальной сатиры с большим сочувствием отзывался Миль顿.

ВИДЕНИЕ О ПЕТРЕ-ПАХАРЕ

ПРОЛОГ

Однажды летней солнечной порою
Облекся я в одежду пилигрима —
Хоть по делам я вовсе не святой —
И странствовать пошел по белу свету,
Узнать, какие в мире чудеса,
И майским утром на холмах Мальвернских
Прилег, дорогой длинной утомленный,
Я отдохнуть на берегу ручья.
Склонившись вниз, я стал глядеть на воду;
Приятный плеск поверг меня в дремоту,
И я, заснув, увидел странный сон.
Мне снилось, будто я в неведомой пустыне,
Где никогда дотоле не бывал.

К востоку от меня стояла башня;
 В долине перед ней была тюрьма,
 И страшны были рвы темницы мрачной.
 Меж башней и тюрьмой в красивом поле
 Увидел я огромную толпу.
 Был всякий люд там: знатный и простой.
 Кто странствовать пускался, кто трудился,
 Как издавна на свете повелось.
 Одни тянули плуг, копали землю,
 В труде тяжелом взращивая хлеб;
 Другие ж их богатства истребляли.
 И были, кто, объятые гордыней,
 В наряды дорогие облеклись.
 Иные ж предавались покаянию,
 Молитвой жили и постом в надежде
 Сподобиться небесного блаженства.
 Они закрылись в одиноких кельях
 И в мир не шли за ублаженьем плоти.
 И были, кто избрал себе торговлю:
 Известно, — процветают торгаши.
 Другие ж в менестрели подрядились
 И добывали хлеб веселой песней,
 За это их никто не обвинит.
 Шуты, жонглеры — сыновья Иуды —
 Болтали вздор, ломали дурака,
 Однако ж, как и всем, в поту трудиться
 У них вполне достало бы ума.
 Про них сказал еще апостол Павел,
 Что сквернослов — угодник Сатаны.
 Кругом все попрошайками кишело;
 У них набиты брюхо и мешки;
 По сердцу им, как нищим, побираться
 И пьянствовать, и драться в кабаках.
 Нажравшись, пьяные они ложатся
 И с дикой бранью поутру встают;
 Проводят жизнь свою во сне и лени.
 Там меж собой решили пилигримы
 Идти к святому Якову^а и в Рим.

Когда ж из странствий возвратятся,
 Каких понарасскажут небылиц!
 Я слышал тех, что у святынь бывали:
 Что ни рассказ, то лжи нагроможденье,
 И с ложью, видно, свыкся их язык!
 Шли в Уолсингем на поклоненье Деве
 Паломники, а с ними — девки их.
 Работать лень болванам долговязым;
 Куда вольготней, в рясы нарядившись,
 Бездельников блаженных жизнью жить!
 Всех орденов бродячие монахи
 Народу там Писанье толковали:
 И вкрай и вкось евангельскую правду
 Они вертели, только бы щедрей
 Им заплатил доверчивый мирянин.
 Есть щеголи среди господ монахов.
 Ведь их товар и деньги — неразрывны;
 И стало мелким торгашом Прощенье:
 Отпустит знатным лордам грех любой,
 Лишь только бы они ему платили.
 Когда не станут церковь и монахи строже,
 Великих бедствий ждать нам на земле!
 Торговец индульгенций ходит с буллой^а,
 На булле той епископа печать.
 Хоть нету у плута святого сана,
 Но отпустить грехи он всем сущит.
 И люд мирской, колени преклоняя,
 Целует с верой буллу продавца.
 Ему кто брошкой платит, кто кольцом.
 Так золотом мирян обжоры сыты
 И, как святой, у них в почете плут.
 Носи епископ митру по заслугам,
 Печатью не скреплял бы он обман.
 Епископ сам с обманщиком в ладу.
 Приходский поп с торговцем индульгенций
 Разделят полюбовно серебро.
 Не будь бы их, на эти деньги можно
 Всю бедноту прихода накормить.
 Попы из сел епископа молили

^а Рака св. Якова в Компостела в Галисии (Испания) была знаменитым местом паломничества. Рака — гробница, в которой находятся моши (останки) святого.

^а Булла — папская грамота. Здесь: грамота, дающая отпущение грехов.

Позволить в Лондон перебраться им,—
С тех пор как по стране прошла зараза,
Приходы их погрязли в нищете.
Всем в Лондон им хотелось бы забраться,
За мессы там побольше получать.
Епископы, магистры, бакалавры,
Священники, носящие тонзуру^a,
Все те, кому Христос препоручил
Радеть о душах грешных прихожан,
Их исповедовать, за них молиться,—
Они живут все в Лондоне отлично.
Кто состоит на службе короля,
Казну его считает в казначействе,
Ему долги взымает с горожан,
Берет имущество и скот в уплату
С кварталов королевских должников.
Другие ж знатным лордам служат,
Как стюарды, хозяйство их ведут.
Не до заутрен им, не до обеден,
Делами светскими поглощены.
В день Страшного Суда их всех, наверно,
Христос, прокляв, низринет прямо в ад.

.

Еще я видел там в нарядных шапках
Судейских стряпчих целую толпу.
Они закон отстаивать готовы
За фунт иль пенсы, а не ради правды.
Измеришь ты мальвернские туманы
Скорей, чем их заставишь рот раскрыть,
Не посулив вперед хороший платы.
И видел я баронов, горожан
(О них я вам поведаю позднее),
Варильщиц пива, женщин-пекарей,
И шерстобитчиц видел, и ткачих,
Портных, и пошлин сборщиков на рынках,
И медников, и множество других.
Из всех работников на белом свете
Трудятся всех ленивой землекопы:

«Пусть Эмму бог хранит!» — поют.
Там повара и слуги их кричали:
«Горячих пирожков кому угодно!
Гусей отменных, уток, поросят!»
Им вторили хозяева таверн:
«У нас есть вина Рейна и Рошели,
Эльзаса белое и красное Гаскони;
Жаркое славно будет им запить!»
Так снилось мне и больше семьюкрат.

(Сон автора прерывается, но затем он засыпает опять, и ему снится, что Разум призывает грешников покаяться. Следует описание исповеди семи грешников — семи смертных грехов. Один из них — чревоугодие.)

Из главы V

[ЧРЕВОУГОДИЕ]

Собрался раз Обжора в божий храм,
Грехи свои излить в исповедальне.
Шинкарка «Добрый день» ему сказала,
Спросив, куда он держит путь.
«Иду на исповедь,— сказал Обжора,—
Чтоб отпущене получить грехам».
«Зайди ко мне, — шинкарка предложила,—
Каким тебя я элем угошу!»
«А к элю есть ли острые приправы?» —
«Пиона семя, перец и чеснок,
И есть укроп, коль вздумаешь поститься».
Вошел Обжора к ней, забыв обеты.
Кого-кого он там ни увидал!
Сидела Сис-башмачница на лавке,
И сторож Уотт там был с своей женою,
И был там медник Тимм, и подмастерья,
Извозчик Хикк, разносчик Хью, Кларисса,
Церковный клерк и Доу-землекоп,
Сэр Питер Прайд, фламандка Перонелла,
Бродяга-музыкант, канатный мастер,
И крысолов, и мусорщик с Чипсайда,
И чай-то конюх, и торговка Роза,
Гриффин из Уэльса, Годфри с Гарликхайса,
Старьевщики и множество иных.
И все они приветствуют Обжору,
И рады добрым элем угостить.

^a Тонзура — выбранный кружок на голове, отличительный признак католических священников, символ их отречения от мирских интересов.

Сапожник Клемент сбрасывает плащ,
Готов продать его на Новом рынке;
Извозчик Хикк свою снимает шляпу
И, отойдя с сапожником в сторонку,
Вступает с ним в предлиный торг.
Они никак не могут столковаться,
Пока канатный мастер Робин
Себя судьбою им не предложил.
И Робин вынес мудрое решенье:
Извозчик Хикк получит плащ Клемента,
Он за него отдаст Клементу шляпу,
А тот Обжоре кубок поднесет.
Но если кто о торге пожалеет,
Тот должен встать, Обжоре поклониться
И эля поднести ему галон.
Ах, сколько смеха было там и крика!
И пели хором «Чашу круговую»;
Так до вечерни время провели.
Там не один галон Обжора выпил,
Покуда брюхо у него раздулось
И, как свинья, вдруг принялось ворчать.
За время, нужное для «Отче наш»,
Он напрудить успел мочи две кварты
И на рожке своем играть принялся,
Который был внизу его спины.
Все за носы свои скорей схватились,
Едва заслышали его рожок,
И все Обжору попросили
Рожок хотя бы чем-нибудь заткнуть.
Обжора на ногах едва держался,
Но, палку взяв, отправился домой.
Он брел, как пес бродяги-музыканта,
То шаг вперед, то вдруг подастся вбок;
А то, как птицелов, присядет,
Чтоб на земле силки установить.
У дома же глаза ему застлало;
Споткнувшись о порог, свалился он.
Сапожник Клемент взял его за пояс
(Обжора очень тучный был детина),
Хотел поднять, поставить на колени.
Клементу фартук тут он облевал.
И не нашлось бы в целом Герфордшире

Таких голодных псов, чтоб согласились
Всю эту мерзость с голоду сожрать!
Жена с любовницей, стеная горько,
Кладут тогда Обжору на кровать.
Он, пиршеством измученный безмерным,
Проспал два дня и только на закате
Второго дня стал протирать глаза.
Очнувшись, он тотчас спросил про миску.
Жена тут принялась его корить.
Раскаянье явилось и ему сказало:
«Грешил всю жизнь ты словом и делами,
Так устыдись и каяться спеши?»
«Во многом грешен я,— сказал Обжора,—
Я имя бога всуе поминал.
Без толку клялся богом и святыми
Раз девятьсот, когда не больше.
В обед ли, в ужин так я нажирался,
Что здесь же яства извергал назад.
И в пост я вкусно ел и сладко пил,
А за столом подчас от пресыщенья
Впадал я в сон и сонный все жевал.
Любил в тавернах слушать всякий вздор
И пировал под вздорные рассказы».
Раскаянье Обжору похвалило:
«Твое чистосердечье грех уменьшил».
Тут стал Обжора горько сокрушаться
И соблюдать посты пообещал:
«Готов снести и голод я, и жажду,
А в постный день к себе в утробу
И рыбу даже я не допущу,
Пока от Воздержанья — тети строгой —
Не получу на это позволенья.
Ах, как я Воздержанье не любил!»

Из глав V и VI [ПЕТР-ПАХАРЬ]

И там толпились тысячи людей,
К Христу и к Богородице взывая,
Прося помочь им Правду отыскать.
Никто из них не знал туда дороги.

По берегам ручьев, среди холмов
Они блуждали долго и бесплодно,
Пока не повстречали наконец
В восточном одеянье пилигрима.
Дорожный посох был его обвязан
Широкой лентой, вы ющейся, как плющ;
Мешок и кружка на боку висели,
А шляпу, точно гроздья, отягчали
Святой водой наполненные склянки;
И галисийских раковин немало,
Кресты и ладанки, ключи из Рима,
И образ на груди, чтоб знали все,
Каким святыням странник поклонился.
«Откуда ты?» — они его спросили.
«Я на Синае был, — он им в ответ, —
«Я также посетил и гроб господен,
И Вифлеем, и дальний Вавилон,
Я был в Армении, в Александрии,
О чем вам знаки эти говорят.
И в дождь, и в зной я шел к святыням дальним,
Ища своей душе небесных благ». —
«Не знаешь ли ты одного святого,
Чье имя Правда? Где его жилище?
И не укажешь ли к нему дорогу?»
И им тогда ответил пилигрим:
«Свидетель бог, я не встречал доныне
Ни разу странника, чтоб вопрошал
Меня о Правде. Нынче — в первый раз».
Но здесь заговорил смиренный Пахарь:
«Клянусь святым Петром, я Правду знаю,
Как знает книгу мудрый грамотей!
Благоразумие и Совесть часто
Меня к жилищу Правды провожали,
А я себя связал обетом твердым,
Что буду Правде с верностью служить.
Так пятьдесят уже минуло зим,
Как я слугой у Правды-господина.
Пашу и сею, жну и молочу,
Иль на лугах стада его пасу.
Так Правде будучи слугою верным,
Я выполняю труд его любой:
Я медник иль портной, коль Правда скажет,

Прядильщик, ткач — когда он мне велит.
Но господину ревностно служа,
Я сам никак не остаюсь в убытке:
На свете нет плательщика исправней,
Своих он щедро награждает слуг.
Как агнец, кроток, речь его приветна.
И если впрямь к нему идти хотите,
Я укажу вам к Правде верный путь».
«Да, милый Петр!» — вскричали пилигримы
И обещали славно заплатить,
Лишь бы привел он их к жилищу Правды.
«Клянусь души моей спасеньем — нет! —
Ответил Петр. — Я платы не возьму,
Хотя бы вы Фомы святого раку,
Пообещали мне за это дать!
И Правда меньше бы меня любила.
Когда ж вы в дальний путь идти готовы,
Я расскажу, как Правду вам найти».

(Петр-Пахарь перечисляет пилигримам добродетели, через которые ведет путь к Правде: кротость, скромность, воздержание и т. д.)

«Твой путь хороший, — сказали люди, — только нужен
На нем всегда надежный проводник».
«Клянусь святым Петром! — воскликнул Пахарь, —
Вспахать земли пол-акра должен я.
Когда я их вспашу, потом засею,
Тогда смогу указывать вам путь».
«Но нам пришлось бы долго дожидаться! —
Тут леди под вуалью возразила, —
Нам, женщинам, как время скоротать?»
«Пускай мешки зашьют, — ответил Петр, —
Чтоб не просыпалась из них пшеница.
Да, ваши пальцы, леди дорогая,
Привыкли шить по шелку и сендалу
И ризы капелланам мастерить.
Прядите лен и шерсть вы, жены, вдовы,
И шейте одеянья холстяные;
Тому же учите ваших дочерей.
Нагих и сирых здесь лежит немало,
И Правда их одеть повелевает.
Моя же, Пахаря, забота — пища.
Богатый, бедный ли — все будут сыты,

Пока я жив по милости господней.
 А вы, кто хочет есть и пить, придите
 Помочь тому, кто возвращивает хлеб!»

«Пока я жив, служить я буду Правде!
 Как пилигрим, на пользу беднякам
 Отправлюсь в странствие за плугом;
 Мне плуг да служит посохом дорожным
 И землю предо мною бороздит!»
 Тут отошел Петруша-Пахарь к плугу,
 А пилигримы верные — за ним:
 Ему помочь вспахать его пол-акра.
 И начали они, Петру в угоду,
 Копать межи, выпалывать сорняк;
 Трудился каждый там, как только мог.
 Петру по сердцу странников усердье.
 Кто всех прилежнее меж них трудился,
 Богаче всех тот будет награжден,
 Когда пора наступит урожая.
 Но там нашлись меж странников лентяи:
 Тянули эль и пели «Тролли-лолли»,
 И в этой песенке вся помошь их была.
 «Клянусь душой! — воскликнул гневно Петр,—
 Коль вы тотчас не приметесь работать,
 Вам ни одно зерно не станет впрок,
 И если скосит вас жестокий голод,
 Тому сам дьявол будет только рад!»
 От слов таких объял испуг лентяев.
 Одни тогда прикинулись слепыми,
 Другие же хромыми притворились,
 И стали плакать горько и стенать.
 Они к Петру с мольбою обратились:
 «Помилуй боже нас, но мы — калеки,
 Работать нам совсем невмоготу.
 Мы за тебя молиться станем, Петр,
 Чтоб бог тебе умножил урожай
 И наградил тебя за милосердье;
 Куда ж трудиться нам самим, несчастным!»
 «Увидим, так ли это в самом деле,—
 Ответил Пахарь им.— Я только знаю,
 Что вы добро привыкли расточать.
 Я Правде верно издавна служу

И расскажу ему, кто здесь трудился,
 А кто здесь жил плодом трудов чужих.
 И Правда вас тогда труду научит,
 Не то — ячменным хлебом вам питаться
 Да воду ключевую только пить!
 Слепой, хромой, закованный в колодки,
 Пускай со мной пшеничный хлеб вкусят,
 Пока господь не дал им исцеленья.
 А вы, притворщики, работать в силах:
 Пасти ли скот иль охранять посевы,
 Копать ли рвы иль молотить на гумнах,
 Месить известку и возить навоз.
 Но вы погрязли в лени и обмане
 И лишь по милости вас терпит бог!..»

ЧОСЕР

Джеффри Чосер (около 1340—1400 гг.) — крупнейший английский писатель XIV в., называемый «отцом английской поэзии». Родился в Лондоне в семье виноторговца. Деловые связи отца открыли будущему поэту доступ ко двору. Чосер был пажом, королевским камердинером, а затем королевским курьером (дипломатические поездки во Фландрию, Францию и Италию между 1370—1378 гг.). В 1374 г. он получил место таможенного контролера при лондонском порте. В 1386 г. был избран депутатом в парламент. Когда же придворная партия во главе с герцогом Глостером захватила власть, Чосер оказался не у дел. Вскоре, однако, материальное положение его вновь начало поправляться. В 1389 г. он получил надзор за рядом казенных построек. Новый король Генрих IV назначил ему пенсию.

Творчество Чосера очень ярко отразило сдвиги, наметившиеся в английской культуре второй половины XIV в. Уже начали шататься устои феодальной системы. Народное восстание 1381 г. с огромной остротой поставило вопрос об упразднении крепостнических порядков. Поднимались города.

Заметно потускнел ореол католической церкви. Англия стояла на дороге большого исторического перелома. Поэзия Чосера проторяет путь литературе английского Возрождения. Правда, Чосер еще довольно тесно связан с традициями средних веков. Он переводит на английский язык французский аллегорический «Роман о Розе». Его продолжает привлекать столь излюбленная в средние века форма «видения» («Книга о герцогине», «Дом славы», «Птичий парламент»). Характерно, однако, что сквозь аллегории и символы у Чосера уже начинают пропасть образы вполне реальной жизни. Его влечет все земное, осозаемое, человеческое. С большим интересом следит он за успехами передовой итальянской гуманистической литературы XIV в., с которой он тесно соприкоснулся в бытность свою в Италии. Особенно близок ему Боккаччо. Поэма Чосера «Троил и Кресида» (1382) представляет собой вольную обработку поэмы Боккаччо «Филострато». По-